

## АНАЛИТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТСУТСТВИЯ И ОТРИЦАНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

### 1. Смысл отрицания и его место в системе категорий

Формальная сторона тюркского глагольного отрицания очень проста. Основной способ выражения отрицания в тюркских языках – глагольный морфологический показатель =БА=. Этот аффикс, единственный (со всеми своими закономерными морфонологическими вариантами), встраивается в глагольную словоформу в позиции перед аффиксами времени-наклонения, начиная собою цепочку позиций, принадлежащих словоизменительным грамматическим категориям. Он проходит по всей системе глагола, через все финитные и инфинитные формы. Например, *амт.*:

Оок балдарын аштат=ПАС=ка Желеш кандый иште иште=БЕ=ГЕН, кандый шыра көр=БӨ=ГӨН (ЛК, АК, 251) – Чтобы НЕ заставить голодать своих малых детей, Дьелеш на какой только работе НЕ работала, каких мучений НЕ видела.

Категории времени-наклонения и лица (числа) – это важнейшие грамматические категории глагола и предложения. Положение негативного аффикса непосредственно перед позицией аффикса времени-наклонения свидетельствует о высокой грамматичности тюркского глагольного отрицания, которое является здесь морфологической категорией глагольного словоизменения.

В соответствии с общими закономерностями, действующими в тюркских языках южносибирского ареала, сочетания этого аффикса со следующими за ним часто подвергаются стяжению: =БА + ГАН = БААН, =БА + ГАДЫЙ= =БААДЫЙ и т.п. В некоторых формах происходит такое полное срастание этого аффикса с последующим, что с точки зрения современного состояния языков аффикс отрицания становится неотделимым от аффикса утвердительной формы – например, в составе показателя негативной формы причастия будущего времени =БАС, который в современных языках уже не соотносится непосредственно с аффиксом положительной формы на =АР, поскольку древний переход [р] в [з] современным языкам чужд. Аффиксы отрицательных деепричастий в настоящее время тоже ощу-

щаются и оцениваются как неделимые: в алтайском это =БАЙ – аффикс, морфологически четко мотивированный как производный от деепричастия на =А (в позиции после гласного – вариант =Й). Но так как это отрицательное деепричастие соотносится одновременно с тремя положительными формами: на =П, на =АЛА и на =А, форма на =БАЙ в системе языка воспринимается как самостоятельный аффикс. Ср. деепричастный же трехкомпонентный, уже неразложимый аффикс =БАЙ=ЫН=ЧА ‘пока не’, не имеющий афирмативного соответствия. Целостным является сейчас и шорский деепричастный аффикс =БААН, который восходит к =БА+ГАН, но в современной системе противостоит ему, функционируя как аффикс отрицательного деепричастия. Тувинский аффикс =БАЙН и хакасский =БИН еще менее мотивированы соотносительными положительными формами. Однако наличие в составе всех этих аффиксов инициального =Б четко сигнализирует о присутствии носителя отрицания. Например, тув.: Буян чүнүн-даа ужурун бил=бээн (Кудажы,5) – Буян ничего не понял (букв.: не понял существа дела; =бээн < =бе+ген); алт.: Эмекей де бистен ырабаан эмей (КТ,КJ,17) – Эмекей, конечно, от нас (далеко) не удалился (=баан < ба=ган).

Формальная простота этого способа выражения глагольного отрицания, видимо, является одной из существенных причин недостаточного внимания к этой категории со стороны специалистов. Отрицание не рассматривается в тюркологии как важная грамматическая категория глагола, и в грамматических описаниях языков ей уделяется очень мало внимания. В Грамматиках, в разделе “Морфология”, отрицанию иногда посвящают отдельные параграфы. Но, например, в “Грамматике современного якутского языка” (1982) и такого параграфа нет. Очень мало внимания уделяют отрицанию и Грамматики других языков. Поскольку отрицание не осознается как грамматическая категория, в системе лингвистического описания у него нет ни четкого места, ни сколько-нибудь устойчивой структуры. Грамматики разных языков обычно касаются отрицания лишь попутно; отрывочная, бессистемная информация о способах выражения отрицания распыляется по разным разделам.

Между тем, отрицание (негация) – это универсальная логико-лингвистическая категория. Во всех языках мира она получает то или иное формальное выражение, но оно бывает очень различным. С универсальностью отрицания связан, возможно, и тот факт, что активное внимание с глубокой древности и до наших дней привлекал к себе именно логический аспект отрицания, “освобожденный”

от связи с выражающими его средствами. С логической точки зрения отрицание рассматривалось начиная с Платона и Аристотеля вплоть до наших дней, в работах Бергсона, Рассела, Чаттерджи и многих других. Различные логические подходы к этой проблеме подробно рассмотрены в работе В.Н.Бондаренко (1983).

Но логика не работает с предложениями как языковыми единицами; логическая суть предикации сводится к функции бытийной связки, а это влечет за собой приравнивание отрицания к утверждению небытия. Между тем, категория отрицания заслуживает пристального внимания именно как универсальная категория языкового мышления, языка, а тем самым лингвистики.

Язык – это прежде всего средство коммуникации, обмена обыденной информацией. Этим обусловлено разнообразие и многогранность реальных функций отрицания в естественных языках, а разные его функции, естественно, должны находить себе и разное выражение. Чтобы осмыслить их в единстве и взаимодействии, нужно представить их как систему, как единую грамматическую категорию со своими значениями и способами их выражения. Нужно найти ей место в общей системе лингвистических категорий, а соответственно и в системе лингвистического описания. Пока это место остается слишком неопределенным. Отрицание рассматривается и в контексте лексикологии, при обсуждении служебных слов и частиц типа русских НЕ и НИ и тюркских – алт. ЭМЕС, ЈОК, тув. ЭВЕС, ЧОК, шор. ЭБЕС, ЧОК, хак. НИМЕС, ЧОХ; и в контексте словообразования, например, в Грамматиках тюркских языков в связи с описанием аффиксальных средств выражения отсутствия, (кол=лыг / кол=сыз, тув. кол=лыг / колы чок, алт. кол=ду / кол=ы јок ‘с руками, имеющий руки / без=рук=/ий/, не имеющий рук’); и в контексте морфологии (тюркское глагольное отрицание).

Конечно, отрицанию уделяется определенное место и в контексте синтаксиса – при описании “полного” отрицания предикативного признака негативной формой сказуемого и “неполного” отрицания других компонентов предложений разного типа. Но наблюдения такого рода редко подаются целостно и компактно. Так, в “Грамматике современного русского литературного языка” (1970) всем причудам русского отрицания как явления синтаксического посвящена всего одна специальная страница (647–648) – почему-то в конце раздела о распространенном простом предложении. В других местах разбросаны лишь попутные замечания. Даже в тех случаях, когда отрицанию уделяется значительное место (например, при опи-

сании моделей предложения в Грамматике-70 и Грамматике-80), внимание сосредоточивается преимущественно на формальных способах его выражения, а смысловая сторона представляется нерелевантной.

Способы выражения отрицания в разных языках разнородны и потому трудно сопоставимы. Это тоже одно из препятствий к осознанию отрицания как универсальной лингвистической категории. В одних языках это специальные грамматические или "полуграмматические" частицы типа русских НЕ и НИ, в других, как в тюркских, монгольских используются морфологические показатели, глагольные аффиксы, в третьих находим "дистанцированные" формы, охватывающие глагол, типа французских *ne... pas*, в четвертых – грамматикализованные "отрицательные глаголы", например, эвенкийский Э=, в аналитических формах глагольного отрицания принимающий на себя все грамматические показатели. Кроме того, для выражения отрицания широко и разнообразно используются и "предикаты отсутствия" – лексемы типа русского НЕТ (<не есть) и его производного НЕТ=У, тюркских ЖОК / ЧОК / ЖОК и их производные типа *алт.* ЖОГЫЛА, *тув.*, *хак.* ЧОГУЛУ, ЧОГЫЛ др. Функционально сопоставим с ними и хантыйский предикат отсутствия АНТЕМ. Но в большинстве языков используются разнообразные формальные средства, выполняющие разные закрепленные за ними функции. Сложным образом взаимодействуя друг с другом, в каждом языке они образуют свою уникальную систему.

В тюркских языках Южной Сибири отрицание еще не было предметом специального анализа, и это не удивительно, потому что общая картина раскрывается только на уровне синтаксиса, а синтаксис этих языков все еще остается изученным слабо. Данная статья не претендует на адекватное описание всей системы тюркского отрицания, всех форм и аналитических конструкций, используемых для выражения разных его оттенков в языках Южной Сибири. Эти формы и конструкции и их смысловую специфику еще предстоит выявлять. Даже более простые формы еще ожидают специального детального исследования, с неизменным участием компетентных носителей этих языков.

Задача этой статьи состоит в том, чтобы показать основные способы аналитического выражения отрицания, используемые в тюркских языках Южной Сибири наряду с аффирированными глагольными формами, охарактеризовать выражаемые этими формами

смыслы, а также наметить некоторые вопросы, требующие дальнейшего изучения, и поискать пути к их разрешению.

Коротко остановлюсь на своем понимании содержательной стороны категории отрицания и ее "родовой принадлежности". Многие исследователи, касаясь смысловой стороны отрицания, сближали его с модальностью или видели в нем модальность особого типа (например, Шендельс, 1959). Это сближение следует из взгляда на модальность как на категорию, позволяющую говорящим выражать в речи разное понимание отношений между действительностью "как она есть" ("реальностью") и обсуждаемым в речи событием: происходит ли оно на деле – или лишь мысленно допускается нами. Но отрицание плохо вписывается в категорию модальности, поскольку оно четко выражает факт отсутствия, "небытия" соответствующего события как в реальной, так и в потенциальной или в ирреальной действительности: Учитель пришел – Учитель не пришел (реальность); Я мог купить – Я не смог купить (модальность возможности); Я должен / не должен был покупать (модальность долженствования); Я купил бы – Я не купил бы (в составе сложного предложения – модальность уже не реализованной возможности); Покупай – Не покупай (побуждение к действию или его отсутствию).

Тот факт, что значение отрицания, как и значение утверждения, свободно "накладывается" на самые разные значения модальности, означает, что отрицание нельзя вписывать в рамки категории модальности; но гипотеза близости, родства этих категорий таким аргументом не опровергается.

Отрицательное предложение, как и утвердительное, описывает некоторое событие, представляя его как не имеющее места в действительности, или точнее – в предложенной говорящим модально-временной проекции действительности. Именно этот аспект проблемы детально обсуждается в логике. Но в лингвистике такой взгляд требует своей мотивировки и определенной коррекции.

Формы разных модальностей, противопоставленных индикативу, – возможности, желательности, долженствования и др. – представляют событие как не имеющее места в реальности, но присутствующее в сознании человека. Негативная семантика накладывается на модальную. В индикативе негативные конструкции столь же определенно фиксируют положение дел в реальной действительности, как и позитивные. Это особенно очевидно при сопоставлении негативных форм индикатива и положительных форм сослагатель-

ного склонения: *алт.* Мен *кел*=*бедим*. 'Я не пришел.' / (Сен кычыр-ган болзон), мен *келер эдим* – (Если бы ты позвал,) я бы пришел.

Форма сослагательного склонения сказуемого представляет факт [я пришел] как уже не реализовавшийся, но лишь мысленно допускаемый в ретроспективе. Данная фраза, равно как и ее отрицание, принадлежит сфере ирреальной модальности: *алт.* (Сен кычыр-баан болзон), мен *келбес эдим* ('Если бы ты не позвал,) я бы не пришел'. Но за фразами "я бы пришел / я бы не пришел (если бы...)", подобно тени от освещенного предмета, четко усматривается невысказанное "обратное" утверждение о реальном факте: в действительности я НЕ пришел (ПОТОМУ ЧТО ты НЕ позвал). Предложения же с отрицательной формой сказуемого в индикативе просто отрицают факт: Я не пришел.

Выражения "Я пришел" и "Я не пришел" в смысле своей реальности совершенно тождественны. Пропозиции, соответствующие отрицательным предложениям, можно назвать "негативными". Но событие, стоящее за пропозицией, не может быть "негативным". За всяким выражением вида "X не Y" стоит событие "X – Z". Поэтому важно понять, зачем и когда в повседневной жизни люди обращаются к негативным проекциям фактов. В этом я вижу основную проблему негации как лингвистической категории.

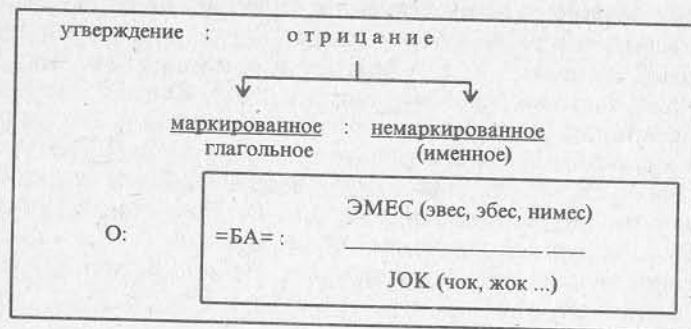
За сказанным "Я не пришел" скрывается не просто утверждение, что событие Y – "Я пришел" – не имело места. Для выражения именно такой мысли во всех языках есть более сложные специальные формулы (типа "неверно, что ты пришел"; ср. русское экспрессивное: "как же, пришел ты!"). Смысл же обычного негативного высказывания составляет довольно сложная семантическая конструкция "обманутого ожидания", – или та "картина", которая была в сознании говорящего, но оказалась в противоречии с тем, что обнаружилось в действительности. Говорящие всегда фиксируют наблюдаемую ими ситуацию в свете своих ожиданий. Поэтому негативная пропозиция это пропозиция, обратная невысказанному неоправдавшемуся прогнозу говорящего.

Негативное высказывание создается как выражение несоответствия между реальным положением дел и тем ожиданием, которое было у говорящего. Например, за предложением "Миша не заболел" стоит пресуппозиция (ожидание) весьма вероятного мишинного заболевания, мысль о том, что Миша мог (должен был) заболеть. Поэтому, между прочим, отрицательное высказывание естественно предполагает причинный вопрос или комментарий: почему

же так случилось? Утвердительное же предложение "Миша заболел" не отбрасывает "тени обманутого ожидания". Такое понимание отрицания влечет за собой оценку его как грамматической категории предложения (высказывания), в рамки которой как частный, хотя и центральный случай естественно вписывается и тюркское морфологически выраженное глагольное отрицание – бинарная грамматическая категория глагола как части речи. Эта категория органически входит в более сложную систему значений и средств выражения отрицания, содержательно и формально противопоставляясь негативным смыслам, выражаемым разными, в том числе аналитическими формами: это и отрицательные формы глаголов, и предикаты отсутствия (*алт.* ЖОК, *тув.*, *хак.*, *шор.* ЧОК, *каз.* ЖОК и др.), и предикаты именного отрицания, обычно оцениваемые как отрицательные частицы – *алт.* ЭМЕС, *тув.* ЭВЕС, *шор.* ЭБЕС, *хак.* НИМЕС.

Отношения, передаваемые этими формами, не сводятся к бинарной оппозиции "глагольное : именное отрицание". Во-первых, две формы именного отрицания, как будет показано ниже, функционально четко противопоставлены друг другу. Во-вторых, обе эти формы (ЖОК и ЭМЕС), как это свойственно немаркированным членам оппозиции, проникают в сферу глагольных сказуемых, формируя специфические типы предложений с усложненной негативной и "негативно-позитивной" семантикой, в то время как маркированное глагольное отрицание =БА= в именную сферу не проникает (кроме случаев лексикализации отглагольных форм типа *алт.* жалтан=бас 'смелый, бесстрашный'). Существенную специфику каждого типа отрицания составляют "транспозитивные" возможности этих форм и обусловленные ими семантические мутации в рамках этой категории.

Основу этой системы можно представить следующей схемой:



Таким образом, категория отрицания – это не только морфологическая категория глагола, – это прежде всего специфическая синтаксическая категория предложения. Наряду с грамматическими категориями лица и наклонения-времени, она формирует грамматическую парадигму предложения.

В статье будут кратко охарактеризованы эти три типа негативных форм и формируемые ими конструкции – в той мере, в какой это позволяют имеющиеся материалы и уже проведенные исследования.

Сначала будут поставлены и коротко рассмотрены некоторые вопросы, связанные с глагольным морфологическим отрицанием в составе аналитических форм. Затем внимание будет сосредоточено на конструкциях с предикатами отрицания, на их отношениях друг к другу и к глагольным формам с аффиксом =БА. Эти три разнородные типа форм в своих первичных функциях четко противостоят друг другу; но в своих производных функциях они пересекаются, накладываются друг на друга и порождают усложненные негативные и экспрессивные негативно-позитивные конструкции и смыслы. Эти отношения заслуживают пристального внимания.

## 2. Отрицание в глагольных аналитических конструкциях

Глагольное отрицание, выражаемое аффиксом =БА= (с закономерными морфонологическими вариантами) в тюркской системе занимает, конечно, центральное место, охватывая всю систему глагола, все наклонения и инфинитные формы.

Несмотря на сильную тенденцию к стяжению, действующую в тюркских языках Южной Сибири и нарушающую прозрачность морфемных швов, морфологический показатель отрицания обычно остается выраженным отчетливо. В структуре простой глагольной словоформы место аффикса отрицания однозначно определено, вносимый им смысл ясен, и поэтому в сфере простых глаголов не возникает сложных проблем с отрицанием. Однако в изучаемых языках остается почти не исследованная под этим углом зрения широкая и сложная сфера бивербальных конструкций (БВК), часто называемых “сложными глаголами”, и других, более сложных глагольных аналитических конструкций. В таких конструкциях, состоящих из двух и более компонентов, каждый из них, в принципе, может принимать аффикс отрицания. Но в действительности тут

действуют определенные закономерности, которые подлежат изучению. Специального исследования пока не проводилось, но в процессе работы с поливербальными конструкциями накопились наблюдения, позволяющие высказать некоторые предположения и поставить вопросы к дальнейшим исследованиям.

Наше внимание привлекла возможность двойного расположения показателя отрицания в БВК типа “сложный глагол” и связь его локализации с общей семантикой БВК. Этот показатель может принимать на себя либо лексический компонент, деепричастие, либо вспомогательный глагол. И для семантики целого эта альтернатива, т.е. выбор между конструкцией  $Tv=BA\dot{I}$  (=БАЙН, =БИН, БААН) +  $V=fin$  и  $Tv=П/А + V=BA=fin$ , может быть не безразличным. Пока еще нельзя уверенно формулировать какие-то “правила”, определяющие ту или иную локализацию показателя отрицания; тем более трудно сопоставлять эти закономерности в разных родственных языках. Но поставить вопрос о существовании на этот счет каких-то закономерностей в этой сфере наши наблюдения уже позволяют.

По нашему предположению, отрицательная форма лексического компонента, знаменательного деепричастия, предопределяет отрицание самого названного им действия; отрицательный аффикс в составе вспомогательного глагола соотносится скорее с тем “грамматическим параметром”, который выражается этим глаголом – в частности, со связанной с ним модальной характеристикой.

Для БВК типа “сложный глагол” наиболее характерна аспектуальная семантика. В аспектуальных БВК маркер отрицания обычно занимает позицию при знаменательном (деепричастном) компоненте.

Наблюдения показывают, что при разных вспомогательных глаголах негативные формы деепричастий встречаются с очень неодинаковой частотой. В изучаемых языках наиболее регулярно встречаются конструкции этого вида ( $Tv=BA\dot{I} + V_{=всп}$ ) с вспомогательными глаголами  $TUR=$ ,  $JAT=/ЧАТ=/ЧЫТ=$ ,  $J\ddot{U}P=/ЧОР=$ ,  $OTUR=/ОТЫР=/ОЛУР=$ , передающими длительность; тувинские параллели были любезно подсказаны нам Д.А.Монгушем. Например:

*алт.*: Ого мен кичинек те ижен=бей ядым (АА,УБТ,182) – Я на это нисколько не надеюсь; *тув.*: идеге=вейн тур мен – не надеюсь; *алт.*: Төгүн неме айтпай жүр – Не говори неправды; *тув.*: Меге чуве чугаала=вайн чор – Не говори неправды; *алт.*: Акчаны да Чамаас иште=бей жат (АА,УБТ,202) – Денег Чама мало не заработы-

вает (зарабатывает немало); Жалаа нени де ондобой турган (ЛК,АК,288) – Дьалаа ничего не понимала; *тув.*: бил=бейн турган; *алт.*: Күскиде Одой отпуск алала, энезине янып келген, же Арина олоордын айлына бар=бай турган (ЛК,АК,48) – Осенью Одой, взяв отпуск, приехал к матери, но Арина в их дом не ходила; *тув.*: бар=байн турган; *алт.*: Нөкөр Павлов, слердег јети салковой! – деп, олоордын тушташканына кичинек де сүүн=бейн турган, гостиницанын ээзи карган эмеген... унчукты (ЛК,АК,232) – Товарищ Павлов, с вас 7 рублей! – нисколько НЕ радуясь встрече с ним, сказала пожилая хозяйка гостиницы; *тув.*: оору=вейн турган; *алт.*: Сууны кеч=пей жадып, өдүгин суурба (поговорка) – Реку не переходя, обувь не снимай; *тув.*: кеш=пейн чыда.

Во всех примерах этого рода положительная форма вспомогательного глагола фиксирует длительное или постоянное отсутствие регулярного действия или состояния, которое в данной ситуации ожидалось (должно было бы ожидаться): естественно было бы навещать родственников, понимать сказанное, надеяться на лучшее и т.д.

Из глаголов, выражающих законченность действия, в алтайском негативные формы деепричастий регулярно встречаются только с глаголами БАР= и КАЛ=, изредка с глаголом САЛ= и некоторыми другими.

Негативная конструкция с глаголом БАР= (Tv=БАЙ + БАР=) встречается в текстах довольно регулярно. Эта конструкция заметно идиоматизирована, хотя ее семантика явно мотивирована ее внутренней формой. Эта семантика – не просто отсутствие соответствующего действия, но прекращение того действия или, чаще, состояния, которое названо лексическим компонентом-деепричастием. Эту семантику можно передать выражением ‘перейти в состояние не...’. Например:

*алт.*: Мен та ненин де учун бу кижинин јагынан коркыбай да бардым (КТ,КJ,24) – Я почему-то перестал бояться челюстей этого человека; ср. *тув.*: корт-пайн бардым ‘не испугался’ (представление о действии лишено длительности); *алт.*: Мен чала токына=бай барарымда, карганак... (КТ,КJ,18) – Когда я стал немного беспокоиться, старик... (токын= успокоиться; токына=бай бар= букв. ‘перестать быть спокойным’) ...тайгыл кыймыктан=БАЙ да, тын=БАЙ да БАРГАН (ЛК, АК,110) ...пес перестал и шевелиться, и дышать; *тув.*: кыймынна=вайн, тын=майн барган; Канча ойгө мындый сүүнчилү каткы угул=бай барып... (КТ,КJ,28) – Сколько времени такой

радостный смех перестал слышаться; *тув.*: дыннал=байн барып; ср. *хак.*: Ханча час андаг өринистіг хатхы сым пол парган (пол < пол=ып); Одой база кел=бей барган (ЛК,АК,27) – Одой тоже перестал приходить; *тув.*: кел=бейн барган. В хакасском в конструкции с этим значением встречаем глагол СЫХ=: Одой даа кил=бин сыххан – Одой тоже перестал приходить.

В тувинском языке аналогичное значение – ‘перестать делать что-то’ – передается также другой конструкцией, с вспомогательным глаголом БЕР=, который подчиняет себе деепричастие на =А, образующееся в этой конструкции от специфической производной формы основы: первичная, лексическая основа глагола принимает аффикс =БАС=ТА=, выражающий значение прекращения действия, названного основой. Форма Tv=БАСТА называлась в свое время “прекратительным видом” (Сат, 1955; “Очерк” в словаре). Конструкция [Tv=БАСТА=Й + БЕР=] передает законченность этого действия: кел=бесте=й берди – перестал приходить; Оолак өөрөн=месте=й берди – Оолак перестал учиться; Ачам аңна=васта=й берди – Мой отец перестал охотиться. Аффикс отрицания “встроен” здесь не в деепричастный аффикс, а в предшествующий ему более сложный аффикс. В тувинском используются и некоторые другие варианты конструкций с этой семантикой, например, Tv-БАС АПАР=, Tv-БАС ОЛУ БЕРДИ: Ачам аңна=вас апарды (болу берди); Оолак өөрөн=мес апарды (болу берди) – Мальчик перестал учиться; эта конструкция есть и в алтайском: корку=бай баргам ‘перестал бояться, стад не бояться’.

В алтайском относительно регулярно используется также конструкция =БАЙ КАЛ=; она выражает прочное отсутствие того состояния, на которое указывает основа лексического глагола. Например:

А Жарычынын уулы ка рандаш тап=пай калган туру (КТ,КJ,20) – А сын Дьарычы так и не нашел карандаша; Тунјы деп үй кизи бир күн чадырынан табыл=бай калган (КТ,КJ,17) – Женщина по имени Тунды однажды в своей юрте так и не нашлась (так и не была найдена, осталась найденной). Өткөн күндерди эске алынып, Карчага эжик ачылганын ук=пай калды (АА,УБТ,183) – Вспоминая прошедшие дни, Карчага не услышал, как открылась дверь; Бис магазинде турарыста калаш једишпей калды – Когда мы стояли в магазине, хлеба нам так и не досталось; Казан тургузуп чеген азарымда, ажы чыкпай калды – Когда, ставя казан, я варила чегень, арака так и не вышла.

Как видим, аффикс отрицания несет на себе деепричастие лексического глагола, а вспомогательный глагол кал= выступает в положительной форме.

В тувинском языке близкое значение “не достигнутого состояния” – ‘так и не ...’ – передается конструкцией [=БАЙН БАР=]: одун=МАЙН БАРДЫ – так и не проснулся, тып=ПАЙН БАРДЫ – так и не нашел, ажылда=ВАЙН БАРДЫ – так и не работает, кел=БЕЙН БАРДЫ – так и не пришел, тывыл=байн барды – так и не нашлась. См. также примеры выше.

В материалах по алтайскому языку встречаются единичные конструкции этого типа и с некоторыми другими глаголами с семантикой недлительности, например, САЛ=, КОЙ=, ИЙ=: Конторага барала, эмеш чалчы=п ий=бес пе? (АА,УБТ,207) – Пойдя в контору, немного не побуянить ли? Как видим, здесь показатель отрицания принял вспомогательный глагол. Возможно, место показателя отрицания определяется здесь довольно отчетливым модальным компонентом смысла, связанным отчасти с вопросительной частицей, которая взаимодействует с отрицательной формой глагола – то есть перед нами не просто конструкция [=П ИЙ=БЕС], а производная от нее – [=П ИЙ=БЕС ПЕ]. Но для суждения о том, насколько это последовательно и закономерно, материала у нас пока недостаточно.

Богаче представлены в нашей выборке бивербальные конструкции с глаголами состояния (бытия) – ТУР=, ЈАТ= (ЧАТ=), ОТУР= (ОЛУР=) и ЈЎР= (ЧЎР=). Аналитические конструкции с этими глаголами, особенно с ТУР= и ЈАТ=/ЧАТ=, вообще высоко частотны, и хотя доля негативных конструкций по сравнению с позитивными в предложениях этой группы невелика, однако она довольно заметна. Так, в предложениях с глаголом ЈАТ= она составила 14,3%, с глаголом ТУР= 7,7%; конструкции с глаголами ОТУР= и ЈЎР= встречаются реже, но и здесь доля отрицательных фраз составляет около 10%.

В абсолютном большинстве текстовых примеров в нашей выборке отрицательную форму принимает деепричастие:

Курачы эмдиге ле кѳзин ач=пай јат (ЛК,АК,223) – Курачы до сих пор глаз не открывает; Шура ачынганынан арай ла ыйла=бай јатты (ЛК,ЧЧ,304) – Шура от обиды чуть не плакала; Ѳлгѳн балазы керегинде айдарга улус та менде=бей турды (ЛК,АК,298) – Об умершей девочке люди говорить не спешили; А мен ол тушта кайда болгом деп, Сандраш Норокты таны=бай тургандый ајыктайт

(КТ,КЈ,2,160) – А я в это время где был – Сандраш на Норока смотрел, будто не узнавая: Олор улустын ортозына бир канча ѳйгѳ эрмектеш=пей турдылар (БУ,Т,88) – Они какое-то время стояли среди людей, не разговаривая; Суркура... олордын каарып айткан сѳзине тын ла ачынбай отурды: чын бар (ТШ,ЫЭИ,201) – Суркура... на их упреки особенно не обижалась: (в них) есть правда.

Примеры БВК аспектуального типа, в которых негативный аффикс располагался бы в заключающей словоформе вспомогательного глагола в алтайских материалах встречается крайне редко: у нас только один текстовый пример: Је каргаалар чылап, туштаган ла јерле уч=уп јѳр=бес (ТШ,АК,3) – Но, как вороны, над всяким встреченным местом не летает. От носителей языка получены подобные же фразы с другими глаголами этой группы: Ол тегине ле јерге јортуп јѳрбес – Он просто так в любое место не ездит; Мен слерле кожо калыражып отур=байдым – Не буду я с вами болтать. Та же локализация отрицания в хакасском: Ол бисле кожо куучындажып турбады – Он с нами не стал разговаривать (не остановился поговорить). В этих примерах ощущаются явственные следы первичных лексических значений глаголов.

В тувинском языке, по наблюдениям Д.А.Монгуша, место негативного аффикса конструкции с вспомогательными глаголами этой группы значительно свободнее, чем в алтайском. По крайней мере, в БВК с глаголом ТУР= в прошедшем времени любой компонент может принимать отрицательную форму, причем перемена места (позиции) негативного аффикса не влечет за собой изменения смысла. Например: Энир чылын ол школага ѳѳрен=мейн турган / ѳѳрен=ип тур=баан – В прошлом году он в школе не учился; ср. также: ѳѳрен=МЕЙН ТУР=ДУ ‘не учился’; ср. *хак.*: Пылтыр ол школазар чѳр=бин сыххан – В прошлом году он в школу не ходил; ...школага ажылда=ВАЙН ЧОРААН / ажылда=П ЧОР=БААН – ‘в школе не работал’ (Примеры предложены Д.А.Монгушом).

В алтайском языке сочетания с показателем отрицания на втором компоненте представлены в основном БВК с константами [=П АЛ=БА=] и [=П БОЛ=БО=], выражающими модальное значение невозможности.

БВК =П АЛ=, с глаголом АЛ= в положительной форме, широко употребляется с аспектуальным значением и выражает законченность действия, совершившегося в интересах самого субъекта, “для себя”. БВК =П АЛ=БА=, с отрицательной формой глагола АЛ=, в алтайском не однозначна: иногда она выступает как нега-

тивная пара БВК [=П АЛ=] и обозначает несовершенство законченного действия в своих интересах, но в других случаях, и чаще, этой формой отрицается не само действие, но возможность его совершения: Туштажу чике каруузын берип ал=бай отурды (КТ,КJ,16) – Туштажу сидел, не будучи в состоянии дать прямого ответа; Балдар эмеш амырап та ал=бас па? (КТ,КJ,25) – Разве дети не могут не-множко отдохнуть?

В других языках, например, в казахском, эти две конструкции разведены формально: аспектуальное значение выражается здесь БВК [=П АЛ=], а модальное значение возможности / невозможности совершения действия выражается БВК [=А АЛ=]. В алтайском БВК [=А АЛ=] нет, что и делает БВК [=П АЛ=] неоднозначной.

В тувинском языке, по свидетельству Д.А.Монгуша, БВК с деепричастием на =А и глаголом АЛ= возможна, и глагол АЛ= в ее составе выступает только в отрицательной форме: [=А АЛ=БА=]. Приведенному выше алтайскому предложению соответствует в тувинском: Туштажы чиге харызын бер=е ал=байн олур=ду; возможно также ...бер=е ал=бас 'не мог дать (прямого ответа)'. Кроме того, значение отрицания может быть выражено сочетанием конструкции [=А АЛ=АР] с вопросительной частицей БЕ; вопросительное значение трансформируется здесь в эмфатическое, экспрессивно-отрицательное: 'Разве может Туштажы дать прямой ответ?!'

Ситуация в хакасском и шорском требует еще дополнительного исследования. Пока мы располагаем лишь отдельными примерами, не позволяющими восстановить какую-либо общую картину.

По той же структурной схеме – с отрицанием на втором компоненте – строится и широко употребительная в алтайском негативная модальная конструкция [=П БОЛ=БО=] 'не мочь': Арина торт ло кыймыктан=ып болбой јаткан (ЛК,АК,13) – Арина лежала, не будучи в состоянии шевельнуться; Адынан јерге тјжеле, баз=ЫП БОЛБОЙ, будынын сызына чыдаж=ып болбой, кенетийин тын калактап ийди: Јоо-о, калак, будымай! (ЛК,АК,269) – Сойдя с лошади на землю, будучи не в состоянии сделать шаг (идти, ступать), не имея сил (букв.: не могла) выдержать боли в ногах, она вдруг громко испуганно вскрикнула: Оо-ох, господи, ноги мои! ...карган эмеген Павловты сакып болбой, унчукты (ЛК,АК,232) – ...старушка не могла больше ждать Павлова и подала голос.

Выражение негативных значений и сами негативные смыслы еще более усложняются в трехкомпонентных АК. Например, алт.: Сен керегинде арай ла айды=п ий=бей јастадым (КТ,КJ,25) – Я про

тебя чуть было не обмолвился (не проболтался); константа этой АК [=п (ий)=бей јаста=], усиленная частицей арай ла 'чуть, едва'; ее значение – 'чуть не совершить ошибочное действие'. Финитный глагол јаста= выражает ошибочность действия; ий=бей јаста= не ошибиться; айды=п ий=бе= – 'не сболтнуть'. Аффикс отрицания принимает здесь средний компонент.

Вопрос о закономерностях выражения отрицания в составе других аналитических конструкций, например, с причастным или инфинитивным лексическим компонентом, пока еще почти совсем не изучен. Во многих случаях остается неясным даже само наличие параллельных положительных и отрицательных форм, не говоря уже о функционально-семантической специфике негативных форм по сравнению с позитивными.

Наши предварительные наблюдения говорят о том, что нередко между положительными и отрицательными формами и конструкциями нет последовательного смыслового параллелизма. Их семантические отношения не сводятся только к моменту отрицания или его отсутствию. В качестве примера можно привести упомянутую выше алтайскую аналитическую конструкцию [=БАЙ БАР=] – 'не делать, перестать делать то, что названо отрицательным деепричастием': унчукпай барды 'замолчал, умолк'. Формальной положительной парой для этой алтайской АК была бы АК [= П БАР]; но, во-первых, в алтайском языке такая конструкция неупотребительна – ей предпочитается конструкция =П БРААТ=/ БАРАТ=, в составе которой вспомогательный глагол восходит к лексикализованной АК бар(ып) + јат= (аналогично кле=ет=... < кел(ип) + јат=); во-вторых, семантически негативным оппозитом ("парой") этой конструкции оказывается совсем другая, трехкомпонентная АК – =П БОЛО БЕР= 'стать, начать что-то делать'. "Собственной" отрицательной пары типа \*БОЛО БЕРБЕ=) эта конструкция не имеет, но она может употребляться с отрицательным деепричастием =БАЙ БОЛО БЕР=, и такие примеры были приведены выше.

В тувинском также семантическая и формальная корреляции не параллельны: негативной конструкции [=ВАЙН БАР=] соответствует позитивная [=А БЕР=], например, ытта=вайн бар= 'замолчать' (ытта= 'издавать звук, подавать голос'), ыттата=й бер= 'заговорить, подать голос'.

Что касается формы инфинитива на =АРГА в алтайском, хакасском и шорском языках, с которой образуется целый ряд аналитических конструкций, то появление в этих АК ее негативного ана-



лога – формы на = БАС=КА – почти всегда связано с некоторым изменением грамматической семантики, в частности – с акцентированием целевого, а не модального компонента. В процессе анализа этих материалов часто возникает сомнение, в какой мере форма на =БАСКА в этих языках выступает в роли инфинитива, и в какой мере – в функции целевого деепричастия.

Заслуживают серьезного внимания специфические, сложные отношения между положительными и отрицательными формами в ирреально-условных конструкциях с заключающей формой сослагательного наклонения. Например, *алт.*: Сен алдында бандиттерле гартыжып, мылтык-бычак тудуп үрен=беген болзон, ол шыркалу айуга да барбас эдин (КТ,КJ,26) – Если бы ты раньше, с бандитами сражаясь, оружием владеть (ружье-нож держать) не научилась, ты бы и на этого раненого медведя не пошла. Прагматический, адресованный собеседнику смысл этой фразы: Ты пошла на медведя (только) потому, что раньше научилась владеть оружием.

Вообще же системные отношения между разными типами негативных и позитивных аналитических конструкций заслуживают специального монографического исследования. Наши наблюдения имеют лишь самый предварительный характер и призваны не столько отвечать на возникающие вопросы, сколько ставить их перед молодыми исследователями, которые будут дальше работать в этом направлении.

### 3. Формы “именного отрицания”

Для выражения отрицания при именном сказуемом используются лексические негативные предикаты. Основные из них – это предикат отсутствия объекта **ЮК / ЧОК** и предикат отсутствия признака – *алт.* ЭМЕС, *тув.* ЭВЕС, *шор.* ЭБЕС, *хак.* НИМЕС. Трактовка слова ЭМЕС как частицы, принятая в тюркологии, отражает, как мне кажется, лишь отсутствие в науке четких критериев разграничения и понятийно-терминологической оценки различных неполнозначительных единиц языка: в разряд “частей” зачисляются самые разные единицы, не входящие в традиционные понятия частей речи.

Оба эти негативные предиката противопоставлены глагольному отрицанию как маркированной форме. Маркированное морфологическое глагольное отрицание никогда не используется при именных формах, тогда как собственные “сферы” предикатов ЭМЕС

и **ЮК / ЧОК** очерчены менее четко. Каждый из этих предикатов противопоставлен другому, имеет свою специфическую семантику и используется в соответствии с определенными правилами, которые важно осознать и отразить в грамматическом описании. Вместе с тем, между ними самими существует заметное пересечение, а оба они, каждый по-своему, нередко проникают в сферу глагольного отрицания, несколько трансформируя природу последнего.

#### 3.1. Предикат отсутствия объекта **ЮК / ЧОК**

Общетюркское слово **ЮК (ЧОК)** по исходному значению – не отрицательная частица, а “имя отрицания” или **ПРЕДИКАТ ОТСУТСТВИЯ**. Он противопоставлен **ПРЕДИКАТУ НАЛИЧИЯ** – слову **БАР**. Е.И.Убрятова обращала внимание на функциональную близость этих слов к причастиям, на их предикатные свойства (1976). Но сфера функционирования этих слов заслуживает специального внимания.

В тюркских языках Южной Сибири не сохранились специальные формы “необладания” – формы на =сыз, которые в языках других регионов противопоставлены формам обладания на =лыг/=лу; их отсутствие компенсируется аналитическими сочетаниями “существительное + юк”. Таким образом, юк в южносибирских языках выполняет две функции: одна из них это морфологическая функция аналитического словообразовательного показателя, “аналитического аффикса” необладания, другая – синтаксическая функция предиката отсутствия объекта.

Первая функция форм **N + юк** далека от синтаксиса. Конечно, этимологически и здесь **ЮК** остается предикатом отсутствия: ‘чего-то нет’. Например, *алт.* буд=ы юк ‘без ног, безногий’ (букв.: ноги=его отсутствуют; сравн. бут=ту ‘имеющий ноги (ногу), с ногами (*алт.* =ту – вариант =лу); в тувинском, хакасском и шорском – =лыг/=тыг и др.); в позиции перед существительным сочетания типа (кол=ы юк) + кижы легко лексикализуются и функционируют как атрибутивные характеристики предметов, аналоги прилагательных: ‘рук=его нет человек’ > безрукий человек. Например, *алт.*: Тузазы юк куучынды тегин јерге не төгөдөөр? (ЛК,АК,292) – Беспольный (букв.: пользы=его нет) разговор на пустом месте зачем тянуть? Определение по своей природе есть погашенный, снятый предикат.

Вторая функция **юк** – непосредственно предикативная: он выражает отсутствие объекта, названного существитель-

ным=подлежащим, которому он предикцируется. С позиции синтаксиса эта функция гораздо интереснее. Выступая в роли сказуемого, **ЮК / ЧОК** выражает отсутствие кого-то или чего-то вообще или где-то, у кого-то, в некоторый момент. Он конституирует модель предложения [N-1 – N-5 – jок] – 'кто/ что – где – отсутствует'.

Например, *алт.*: Апшыйак мында юк эмтир (11) – Старика там не оказалось. Точнее: Старик там отсутствует, старика там нет, оказывается; Ол (Мальцев) эмди мында юк (23) – Мальцева тут сейчас нет (отсутствует); Ылу ол күн ижинде юк болгон (24) – Дьилу в тот день на работе не было; Менде эмеен юк, Егорыч (ЛК, АК, 296) – У меня жены нет, Егорыч.

*тув.*: Чайлагда чангыс-даа аал чок (СП, ДО, 4) – На летнем пастбище нет ни одного аала; Оларның аразында анаа турар кижичок (ЭД, СЧ, 16) – Среди них не было человека, который бы ничего не делал;

*хак.*: Хайдар парчан: ибінде кизи чогул, ээн (Тигір оды, 35) – Куда идти: дома у него никого нет, пусто; Чогул минің тамах чыгчаң чирім (Тіріг кизи олбечен, 32) – Нет у меня места, где бы я хранил зерно.

Эти и подобные им предложения выражают не отрицание некоторого признака, а отсутствие предмета, названного подлежащим. Это значение сохраняется у предиката **ЮК** и тогда, когда речь идет об отсутствии не предмета или лица, а абстрактного представления, которое предполагалось имеющим место. Например: Ый кижиде мында буру юк (24) (буквально: 'У женщины тут (в этом) вины нет (вина отсутствует)') – Женщина в этом не виновата. Слово буру здесь – формальное подлежащее, поэтому оно не принимает аффикса притяжания. Однако можно заметить, что в подобных случаях в семантической структуре предложения уже намечается сдвиг: формально сохраняющееся противопоставление подлежащего сказуемому в смысловой структуре предложения, по сути дела, снимается, формальный предикативный узел лексикализуется и принимает на себя роль вторичного, аналитического предиката. Позицию же актуального подлежащего занимает локативная тема. Сравним: Ый кижин буру=зы мында юк – Этой женщины вина=ее в этом отсутствует; здесь буру=зы – полноценное подлежащее в притяжательной форме, юк – сказуемое (предикатив при нулевой связке).

Как уже отмечалось, Е.И.Убрятова обращала внимание на типологическую близость предикатов отсутствия и наличия с причастиями. Подобно причастиям, они образуют формы предика-

тивного склонения. В зависимой части полипредикативной конструкции предикат **ЮК** выступает в косвенных падежных формах; в переводах его предикативная природа маскируется: *алт.*: Бу кижидин јоби јогынан кандый ишке кирген? (КТ, КЈ, 21) – Без согласия этого человека ты как к работе приступила? Этимологически: От этого человека согласие отсутствует=когда/поскольку, как (ты) к работе приступила? *тув.*: Мен чогу=ум=да, ачам... – Когда меня не было, отец ....; Мен чогу=ум=дан, сен... – Из-за того, что меня не было, ты...

Но поскольку эти именные предикаты, в отличие от причастий, не содержат показателей времени типа =ган, =р, временные значения сказуемых передаются глагольными связками, принимающими формы времени и лица: Ылу ол күн ижинде юк бол=гон – Дьилу в этот день на работе не был (отсутствовал) / Слер ол күн ижинде юк бол=гон=оор – Вы в тот день на работе не были (отсутствовали). В роли связок в тюркских языках Южной Сибири могут выступать разные глаголы – бол=пол=, тур=, боло бер= и др., и каждый язык по-своему распределяет между ними функции.

Наряду с этимологически первичной формой **ЮК / ЧОК** используются и производные формы, например, *алт.* **ЮГЫЛА**: Энем, адам турада јогула (КТ, КЈ, 26) – Мама, отца дома нету; в тувинском языке у предиката **ЧОК** есть производные формы **ЧОГУЛ, ЧОГУЛУ, ЧОГУЛДУ**, синонимичные исходной, но вносящие каждая свои экспрессивные и стилистические оттенки. Так, слово **ЧОК** в тувинском языке употребляется тогда, когда речь идет вообще об отсутствии чего-то где-то или у кого-то: Аьдым чок – У меня нет лошади, я вообще не имею лошади; Мында хем чок – Здесь нет реки. Слово **ЧОГУЛ** выражает непредвиденное отсутствие вещи или человека в данном месте в настоящий момент: Аьдым чогул – Моей лошади (которая должна быть, только что была здесь, в конюшней) нет, не оказалось; Ол дугайын бодаар-даа, чугалаар-даа хөңнүм **ЧОГУЛ** – Мне о нем ни думать, ни говорить желания нет (сейчас).

Показатель =УЛ в составе этой формы связан, видимо, с семантикой настоящего времени. В тувинском языке она не употребляется ни в прошедшем, ни в будущем времени: в сочетании со связкой турган возможно только **ЧОК**, но не **ЧОГУЛ**. **ЧОК** возможно во всех временах.

В хакасском языке эта временная специфика предикатов **ЧОХ** и **ЧОГЫЛ** проявляется резко: **ЧОГЫЛ** можно считать основной формой предиката отрицания в грамматическом значении настоя-

шего времени индикатива. Форма ЧОХ появляется только перед связкой, выражающей время и модальность. Например: а) Хайдар парцаң: ибінде кізі чоғыл, ээн (ФБ ТО,35) – Куда идти: дома у него никого нет, пусто; Чоғыл минің тамах чыгчаң чирім (Тіріг кізі өлбечен,32) – Нет у меня места, где я хранил бы зерно; б) Майра Михайловна ибде чох полган (ФБ ТО,120) – Майры Михайловны дома не было.

От слов ЧОК / ЖОК могут образовываться и глагольные формы, финитные и инфинитные. В алтайском это ЖОГОЛ= ‘становиться отсутствующим, исчезать’, чаще всего выступающий в форме деепричастия в составе сложного глагола: Эжиктен кичинек кара баштар көрүнеле, ойто жоголо берди (ЛК,АК,9) – Из двери показались черные головы и опять исчезли; Ончозы туманга жоголып, көрүнбей бардылар (ЛК,АК,13) – Все в тумане исчезло, перестало быть видимым; Аттардын тибирти жоголып, ... – (когда) лошадиные топоты исчезли (перестали быть слышными), ...; ...чочыган эликтій, жоголып калды (ЛК, АК,18) – ...исчез, как испуганная косуля.

В алтайском и тувинском языках употребляется также специализированная “фразеоконструкция”, передающая эмоциональное восприятие неожиданного, непредвиденного отсутствия кого-то или чего-то. Например:

*алт.*: Энем эжемге айылдап барган, мен кере ле тўжине энемди жоктодым – Моя мама уехала к сестре, мне целый день ее не доставало; Смысловой перевод фраз типа “Карган жаанам слерди жоктоп турды” – Моя старая бабушка спрашивала вас, интересовалась (вашим отсутствием); ср.: Ийт ээзин жоктоп турды – Собака не нашла своего хозяина.

*тув.*: Мен барбамны бөгүн чок=та=п калдым – Я только сегодня заметила, что моей сумки не стало (заметила про сумку, что исчезла); Башкы сени бөгүн чоктап турду – Учитель про тебя сегодня спрашивал (почему тебя нет; заметил твое отсутствие и на него как-то реагировал).

В тувинском языке есть и другие предикаты отсутствия, этимологически не связанные с ЧОК, его синонимы с более узким значением: СУРАГ и АЛАГА. Возможно, что оба эти слова – монгольские заимствования (МРС,1957,29). Но не исключена и связь предиката СУРАГ с глаголом сура= ‘спрашивать’ (ГРС,1968,390). Сфера их употребления довольно узкая: они ограничены территориально и употребляются только в отношении долго отсутствующих людей: Авам ам-даа сураг! – Мамы долго нет; Уруум ам келир ужурлуг ки-

жи, сураг ийин – Дочка моя должна сейчас придти, но ведь вот ее нет.

В алтайском и хакасском языках аналогов этим предикатам пока не обнаружено.

От предиката СУРАГ, как и от ЧОК, образуется глагольная форма – СУРАГЛААР: Башкы сени сураглап турду – Учитель (про) тебя спрашивал (или ...спрашивал, почему тебя нет). В семантике слова АЛАГА, по-видимому, присутствует оттенок ожидания: ‘еще нет’: Ая алага – Аи еще нет; Ачавыс ам-даа алага – Нашего отца еще нет. Подробно эти формы освещены в диссертационном исследовании Н.Ч.Серээдар (1995).

Для разносистемных языков сибирского ареала вообще очень характерны каритивные формы с семантикой ‘еще не’. В разных языках (в бурятском, в самодийских и др.) они материально различны, но семантически соотносительны. Во всех сибирских тюркских языках это этимологически единая форма, восходящая к аналитической конструкции “деепричастие на =а + служебное слово типа илик / элик”; такие аналитические конструкции представлены в территориально “крайних” языках циркумбайкальского ареала, якутском и киргизском. В современных южносибирских языках используется единая форма на =ГАЛАК. В тувинском к этой форме функционально примыкает и аналитический негативный предикат АЛАГА.

### 3.2. ЖОК / ЧОК как показатели отрицания

Функцию предиката отсутствия у слов ЖОК / ЧОК следует отличать от функции показателя отрицания, которая развивается на базе семантики отсутствия, но реализуется тогда, когда этот предикат выражает не отсутствие предмета или лица, а отсутствие некоторого параметра ситуации, в частности – той или иной модальной характеристики. Определенный сдвиг в эту сторону происходит в составе аналитических идиоматизированных предикатов типа арга= ‘возможность’, күүн=/хөөн= ‘желание’ в лично-притяжательном оформлении + жок / чок в значении ‘не мочь’ (букв.: ‘возможности=моей нет’), не хотеть (‘желания=моего нет’) и подобных.

Например:

*алт.*: Онын айткан сөзине менин бүт=пес аргам жок болгон (КТ,КJ,16–17) – Я не мог не верить сказанным им словам (букв.: ‘его

сказанным словам не верить возможность=моя отсутствовала'); ср. тув.: Ооң чугаалаан сезүнге мээң бүзүревес аргам чок болган – У меня не было возможности не верить; Мен (или мээң) ол дугайын бодаар аргам чок – Я не могу об этом думать (нет возможности=моей).

В части примеров субъект возможности представлен формами генитива в составе изафетной конструкции; но в некоторых примерах в этой роли использована форма неопределенного падежа, которая соответствует позиции формального подлежащего:

Бис жангыс жерге болор арга=быс жок (КТ,КJ,2,95) – Мы не можем быть в одном месте; Сен менин балдарымнын канын сорор арга=н жок (ТШ,АК,9) – Ты не можешь сосать кровь моих детей; Олор экү озолодо өдө берер аргасы жок – Они двое не могут пройти вперед; Слова мен, бис, олор, с нашей точки зрения, должны расцениваться как подлежащие.

Такие примеры встречаются и в тувинском. По-видимому, это инновация. Она закономерна и свидетельствует о том, что сочетание арга=м чок функционирует и начинает осознаваться как единая фразеологизованная форма сказуемого.

Но наиболее типично для этой конструкции выражение субъекта только притяжательным оформлением слова *арга* – того именного компонента сказуемого, который соответствует второму члену изафетной конструкции и одновременно является подлежащим при предикате *ЖОК / ЧОК*:

алт.: Чын деп айдар арга=м жок (КТ,СЭМ,9) – Не могу сказать, что всё как надо; ...je онын сурактарына каруу жандырбас арга=м жок болгон (БУ,Т,81) – ... но на его вопросы отвечать не мог=я;

тув.: Ооң-биле чугаалажыр хөннүм чок – Разговаривать с ним не хочу (букв.: желание=мое отсутствует).

В алтайских материалах встречен также и вариант этой конструкции с дательным падежом косвенного субъекта: алт.: Мен=де ого жаан сый беретен аргам жок – У меня нет возможности дарить ему большой подарок. Здесь сочетание арга=м жок полнее сохраняет “внутреннюю форму” именного типа.

Норма грамматического оформления субъекта в случае его лексической выраженности в предложении, как видим, еще не сформировалась. В узусе пока представлены разные способы его представления.

В ряде аналитических форм (конструкций) сказуемого позиция модального предиката исключает позицию подлежащего, тре-

буя от субъекта формы дательного падежа: алт.: Биске куру-кей сөс керек жок (КТ,КJ,23) – Нам пустые слова не нужны. Существительное керек значит ‘дело’; но в алтайском и тувинском сочетание керек жок – аналитическая формула с модальным значением – ‘не нужно’, в хакасском и шорском также ‘не должно, не следует’. Этот предикат предполагает косвенный субъект в дативе; номинатив-подлежащее называет объект потребности. Этот предикат формирует и предложения с объектным инфинитивом: Например:

хак.: Писке пиг кирек чогыл! (Пай тирек,24) – Нам бай не нужен! Писке мында аралазарга кирек чогыл (ФБ ТО,40) – Нам не нужно в этом участвовать.

Рассмотренные конструкции =ар арга=// жок/чок, күүни=// жок / хоону=// чок и керек жок/чок – аналитические именные сказуемые, в силу своей природы не имеющие морфологических средств для выражения отрицания. Появление предиката отрицания *ЖОК / ЧОК* здесь естественно и закономерно. Поэтому специальный интерес под нашим углом зрения представляют случаи, когда этот предикат является в составе сказуемого в сочетании с глагольными (причастными) формами. Так как эти формы могут оформляться аффиксом отрицания =БА=, предикат *жок / чок* вступает с ними в своего рода конкурентные отношения.

### 3.3. Предикаты *ЖОК / ЧОК*

#### в сочетании с причастными предикативами

Возможность перехода предиката отсутствия в предикат отрицания реализуется в изучаемых языках в составе нескольких специфических устойчивых конструкций. Мы рассмотрим те из них, которые представлены в наших материалах. Поскольку “наборы” выявленных конструкций этого типа в изучаемых языках, вероятно, пока неполные, и формально, и семантически совпадают лишь частично, мы сначала покажем алтайские материалы, затем в той мере, в какой позволяет выборка, сравним с ними тувинские и хакасские.

#### 1. Конструкция *Tv=ГАН ЖОК* (вариант *Tv=ГАН ДА ЖОК*).

Алт.: Адам айылдан чыккан да жок, оны сурап Танышпас кирип келди – Не успел отец выйти из дома (букв.: и из дома не вышел), зашел Танышпас, спрашивал его; Үредүлү жыл башталган да жок, а слерде уруктор божоткон күндердин көбизи де коркушту –

Учебный год еще и не начался, а у вас уже очень много дней, когда вы пропускали уроки.

Судя по примерам, которых у нас немного, специфическая функция этой конструкции – экспрессивное выражение временного значения быстрого следования; в составе полипредикативной конструкции сочинительного типа она представляет действие или состояние, на которое очень быстро накладывается другое.

### 2. Конструкция ...ДА Тv=ГАН=// ЖОК.

Причастие получает здесь лично-притяжательное оформление, выражающее грамматическое лицо субъекта действия в первой, формально зависимой части полипредикативной конструкции. Одновременно эти притяжательные по происхождению аффиксы выполняют роль синтаксических номинализаторов сказуемого, позволяющих ввести конструкцию в позицию предикативной части сложного целого. Примеры:

*алт.*: Тайгага да бар=ган=ы жок, айылга да неме эт=кен=и жок, ой тегин ле калас одуп жат – И в тайгу не съездил, и дома ничего не сделал, попусту время провел; Бу кайткан кижидеер: балага да болуш=кан=ы жок, эткен немези де корунбес – Ну что за человек: и ребенку не помог, и того, что сделал, не видно; Бичик те кычыр=ган=ым жок, Бабыйла кожо тегин ле балыражып отуруп калдым – И книгу не прочитала, попусту проболтала с Бабый.

Эта экспрессивная конструкция отрицания предикативного признака, выраженного причастным сказуемым, она встречена в роли сказуемого первой части полипредикативной конструкции сочинительного типа. Ее собственная семантика отличается от семантики первой конструкции: она представляет одно или несколько действий, которые вопреки ожиданию не осуществились. Заключаящая предикативная часть сообщает о том, что же действительно произошло.

### 3. Конструкция Тv=атан=// ЖОК :

Мен – темир столмо! Мени антар=атан=ын жок туру! (АА,УБТ, 24) – Я – железный столб! Тебе меня никогда не одолеть (не бывать (тому, чтобы) ты меня сбрасывал (одолевал)).

Этот пример в нашей выборке единственный. Очевидно, что эта конструкция экспрессивна и семантика ее иная, чем у конструкции с причастием на =ган. Однако судить о ней по одному примеру нельзя.

Конструкции Тv=АР ЖОК и Тv=АР=//ЖОК пока нами не встречены.

В тувинском языке обнаружено несколько вариантов причастной отрицательной конструкции, также оформляющих сказуемое первой части полипредикативной конструкции

1. Самый простой вариант этой конструкции формально сходен со второй из рассмотренных алтайских конструкций: Тv=ГАН=//ДАА ЧОК. Здесь причастие на =ГАН с лично-притяжательным оформлением сопровождается усилительной частицей -даа, занимающей постпозицию относительно причастия.

Бо кижидеер онаалга кыл=ган=ы-даа чок шуугап олуруп берди – Этот человек, нет того, чтобы задания делал, болтает; Ачам ак шазын шыгжап чыдып берген, машина сат=кан=ы-даа чок – Мой отец деньги просто так хранит, нет того, чтобы машину купил.

Как видим, эта конструкция, как и в алтайском, оформляет предикат моносубъектной полипредикативной конструкции, которая выступает в составе экспрессивно выделяемого противительного оборота; формально это зависимая предикативная единица: онаалга кыл=ган=ы-даа чок – букв.: ‘то, что он делает задания, отсутствует’.

2. В наших материалах представлено несколько примеров и с конструкцией Тv=АР=//ДАА ЧОК, полученных от молодых носителей языка: Оон трактору ону дыннаар, урел=ир=и-даа чок – Его трактор его слушается, совсем не ломается (букв.: того что ломается-он, нет); Акым анаа-ла чоруп туруп берген, өөрөн=ир=и-даа чок – Брат=мой просто уехал, нет (того), чтобы учиться (совсем не учиться и не думать учиться); Ыттарывыс бисче сыннырынга өй, ээрер=и-даа чок – Наши собаки прижались к нам, и нет чтобы лаять (не лают, не думают лаять).

От рассмотренной выше конструкции с причастием на =ГАН она отличается только временным значением: здесь ситуация рассматривается в плане настоящего с захватом потенциального будущего. Примерами из текстов эта конструкция не подтверждена.

3. Не имеет аналогов в алтайском тувинская конструкция отрицания, в составе которой причастие на =ган принимает форму местного падежа: Тv=ГАН=ДА. Эта форма причастия здесь не связана, насколько можно судить, ни с временной, ни с причинной или условной семантикой, которая передается этой же формой зависимого предиката составе обычной подчинительной полипредикативной конструкции (см. Предикативное склонение причастий, 1984; Шамина, 1987).

Эта конструкция выступает в трех вариантах:

1) Тv=ГАН=ДА-ДАА ЧОК.

Здесь причастие на =ган в указанной форме не принимает лично-притяжательного оформления; оно сопровождается усиленной частицей -даа, за которой следует предикат отрицания. После него остается позиция связки, которая иногда бывает заполнена.

Примеры:

Ол эртемден-биле чугалааш=кан=да-даа чок, сүрээдээш келдирлеп-келдирлеп үнүп чоруй бардым – Я так и не смог толком поговорить с ученым, заикаясь от волнения, вышел; Столоваядан чемненир дээш чоруткаш, чемнен=ген=де-даа чок келдивис – Мы пошли, чтобы покушать в столовой, (а) пришли так и не поевши; Оля хоорай киргеш, театрлаан=да=даа чок азып-азып чедип келген – Оля, поехав в город, (но) так и не сходя в театр, заблудилась (и) приехала обратно; Эът дүлүп бээримге, орта чи=ген=де-даа чок үне бердилер – Когда я им сварила мясо, они, толком не поев (так и не поев), вышли; Чечек-кыс хопчу кадай-биле маргыжар дээш маңнап чоруй баргаш, күзелин хандыр=ган=да-даа чок чанып келди – Чечек-кыс пошла к сплетнице, чтобы как следует поспорить (оправдаться), но, не умея спорить, так и ушла не солоно хлебавши.

2) Tv=ГАН=//=ДА-ДАА ЧОК.

Здесь причастие в местном падеже принимает лично-притяжательное оформление. Примеры:

Арга киргеш, анна=ан=ын=да-даа чок, ыяш ужурган=ын=да-даа чок болдувус – Придя в лес, мы так и не поохотились, так и не свалили ни одного дерева; Эмчилээр дээш, ынаар-даа барган=ын=да чок болдум – Собираясь сходить (направляясь?) в больницу, я так туда и не пошла (не дошла?).

Семантика этой конструкции близка, но не тождественна семантике второй из рассмотренных выше алтайских конструкций: ее отличает большая категоричность, окончательность несовершения действий.

Эта конструкция встречается и в составе конструкции простого предложения, в роли усложненного сказуемого:

Бөгүн онаалга күүсет=кен=ин=де-даа чок болдум – Сегодня я так и не выполнила задания (и вообще ничего не делала); = Я сегодня так и не сделала ничего (так и осталась без дел); здесь негативная конструкция сказуемого завершается связкой в финитной форме.

3) В наших материалах представлено несколько примеров той же конструкции с причастием на =АР с притяжательным оформлением, без падежного оформления:

Бо чаьс үш хондур чаап келди, доокта=ар=ы-даа чок – Этот дождь льет уже третий день, нет чтобы прекратиться (так и не прекращается; того, чтобы он прекратился, так и нет); Сарыг-кыс хүн-зедир номчуттунуп-ла чыдар, тур=ар=ы даа чок – Сарыг-кыс целыми днями (лежа) читает, нет чтобы встать (так и не встает).

По характеру семантики они не отличаются от аналогов с причастием на =ган, но выраженное причастием действие в них представлено как продолжающее не осуществляться.

В хакасском языке в наших материалах зафиксированы несколько другие, более простые формы:

1) Tv=АР ЧОҒЫЛ

Тракторы анын сөзін чахсы истіпче: оодыл=ар даа чоғыл – Его трактор его хорошо слушается и не ломается (и нет того, чтобы ломался); Чон ханны тикке төг=ер чоғыл (Тіріг кізі өлбечен, 18) – Народ обычно кровь зря не проливает; Ол чаратчатса, тилем тапс=ир чоғыл (Тіріг кізі өлбечен, 15) – Если он соглашается, то обычно не говорит;

2) Tv=ГАН ЧОҒЫЛ

Амды оларны таныча=ан даа чоғыл: үлүкүндегі осхас чазаглыглар (Тіріг кізі өлбечен, 23) – Теперь их и не узнаешь: как на празднике нарядные.

В обоих случаях перед предикатом ЧОҒЫЛ видим причастия без посессивного оформления.

Семантическая специфика этой конструкции, как видно из переводов, состоит в том, что отрицание в ней выражается эмфатически и предстает как отсутствие ожидаемого события. Становясь предикатом отрицания, ЈОК / ЧОК сохраняет в то же время исконно присущее ему значение в качестве экспрессивного компонента.

В наших материалах по алтайскому и тувинскому языкам представлена еще одна довольно значительная группа усложненных конструкций, тесно связанных с только что рассмотренными. Лексический компонент здесь также выражается причастием (без посессивного оформления), далее следует ЈОК / ЧОК, а замыкает сказуемое вопросительная частица ПО, принимающая на себя личное оформление. Эта частица, сочетаясь с предикатами отрицания, сама приобретает значение негативного показателя. Поэтому семантика конструкции [причастие + ЈОК / ЧОК + ПО] – “отрицание отрицания”, – эмфатическое, экспрессивное утверждение.

В составе этой конструкции встречены разные причастия. В алтайском это обычно причастие на =АТАН и его отрицательная форма =БАЙТАН; в тувинском в основном форма на =ган. Но поскольку примеров в целом у нас немного, наша выборка не претендует на представительность, и вполне вероятно, что за пределами нашего внимания остались какие-то другие конструкции и формы.

В составе алтайской конструкции {Tv=АТАН / БАЙТАН ЖОК ПО} частица ПО, которая сливается в одно фонетическое, а нередко и графическое слово с ЖОК, выполняет функцию модального показателя “отрицания отрицания”; сочетание ЖОК ПО значит “разве не так?”, “не так, что ли?”, т.е. “ведь так же”. Афирмативное значение причастия не меняется: =АТАН ЖОК ПО эмфатически подтверждает позитивное значение (N=1 – Tv=АТАН), а конструкция =БАЙТАН ЖОК ПО (N=1 – Tv=БАЙТАН ЖОК ПО) – так же эмфатически подтверждает негативное значение причастия.

Например:

*алт.*: Айылдын ижин ишке бодо=бой=тон жок=по=ор (КТ,СЭМ,31) – Разве=вы домашнюю работу за работу считаете (или: Домашнюю работу за работу не=считаете=что ли=вы).

Здесь в составе аналитической формы сказуемого объединяются отрицательная форма глагола бодо= ‘думать, считать’ в форме “постоянного” времени на =бай=тан и отрицательный предикат жок с отрицательной частицей =по=, которая “втянута” в сложную финитную форму с показателем 2 лица множ. числа =ор < =гар).

Еще примеры: Сен бисле жүретен жок=по=н (КТ,Тдк,180) – Ты же ведь с нами ходил (Ты с нами ходил=разве=нет=ты); Ол Абай бистин жерге жаантайын айылдап, аракыдап жүретен жок по? (ЛК,АК,259) – Этот Абай, приходя в нашу деревню, всегда пьянствовал ведь (разве не так?); Олор мен де койчы болуп турарымда, айылга кирбейтен жокпо (ЛК,10,60) – Они ведь, когда я был чабаном, в аил не заходили (разве не так); Улустар анан кут жок жүретен жок по? (КТ,КJ,1,8) – Люди его боялись, разве не так?

Двойное отрицание, “отрицание отрицания” (жок + по) естественное дает утвердительное высказывание с яркой эмфатической компонентой, которую трудно адекватно передать в переводах.

Таким образом, предикат отсутствия ЖОК / ЧОК / ЧОГУЛ проникает в сферу отрицания как категории предложения, но границы его использования в каждом из языков требуют специального исследования, как и семантическая специфика фраз, где использует-

ся этот предикат, по сравнению с предложениями, где используются простые способы отрицания.

### 3.4. Предикаты отсутствия признака как параметра ситуации ЭВЕС / ЭБЕС / ЭМЕС / НИМЕС

Как уже говорилось, это служебное слово грамматистами оценивается как частица, восходящая к древнему бытийному глаголу Э=(ср. монг. А=; ср. отрицательный глагол Э= в эвенкийском и других тунгусских языках); исторически Э=МЕС (эвес, эбес) – негативная форма причастия будущего времени ‘не есть’; хакас. НИМЕС – вероятно, стяженная форма сочетания (ни ‘что’ + и= (<э=) +=мес).

Если предикат ЖОК / ЧОК и другие предикаты этой группы выражают ОТСУТСТВИЕ ПРЕДМЕТА или опредмеченного абстрактного представления, то предикат ЭМЕС (и его модификации в родственных языках) выражают отсутствие у референта (предмета или предметного представления, абстрактного или конкретного) некоторого ПРИЗНАКА, подразумеваемого словом, к которому ЭМЕС относится. По этому основанию он противопоставляет предикатам группы ЖОК.

Специфическая семантика этого предиката ясно видна из следующих алтайских примеров: Баланын памятникине чолмон тургузарга жараар ба? Партийный эмес... (ЛК,АК,293) – На памятник девочке звезду ставить можно? (Она) не партийная (партийная не есть). Согласно действовавшей норме, звезда ставилась на могилах коммунистов, девочка же в партии, конечно, не состояла, “признака партийности” не имела. Отрицаемый признак может выражаться и существительным, например, именем отношения:

А сен мендий ок эр эмезин бе (КТ,КJ,10) – А ты разве не такой же мужчина, как я? А эмди бис нөкөр эмез=ис пе? (АА,УБТ,213) – А теперь разве мы не друзья?

Личное оформление частицы ЭМЕС позволяет опускать подлежащее: Жуунын чактын ойи эмес (АА,УБТ,179) – Сейчас не военное время (сейчас, “настоящий момент” не есть время войны). Ср. аналогичные тувинские примеры: Таанда бо уруг дыка чараш эвестир бе? – Разве эта девушка не (есть) очень красивая? Ол чагаа авамдан эвес-тир – Это письмо не от моей мамы.

Как видно из приведенных примеров, предикат эвес (эмес), заканчивая предложения, принимает на себя личное оформление: *алт.* эмез=инг – 2 л.; эмез=ис – 1 л. мн.ч. ед.ч.; 3-е лицо в алтайском

получает нулевое оформление, в тувинском часто маркируется постфиксом -тир.

В шорском ЭМЕС, в хакасском НИМЕС, насколько позволяют судить наши материалы, личные показатели принимают крайне редко, такое употребление связано с серьезными ограничениями.

Наиболее четко функция “отрицания признака” реализуется предикатом ЭМЕС в позиции после предикативного прилагательного или, шире, после характеризующего знаменательного компонента сказуемого. Например, *алт.*: Бу бичик каткымчылу эмес – Эта книга несмешная.

Семантика “качественного отрицания” ЭВЕС / ЭМЕС / ЭБЕС (НИМЕС) сохраняется и тогда, когда вместо признака указывается некий класс, называемый существительным с личным или предметным значением. В таком сочетании этот предикат означает, что данный предмет, лицо или вещь или другой опредмеченный объект исключается из класса, который понимается под отрицаемым именем.

Общее грамматическое значение предложений, построенных таким образом, состоит в НЕПРИЗНАНИИ говорящим конкретного объекта, референта данного имени, принадлежащим данному, поименованному классу, – например, непризнание животного, названного лошастью, принадлежащим классу лошадей, лица, названного учителем – классу учителей или представлению об учителе.

Например:

*алт.*: Лок, бис уурчы эмезис (ЛК,АК,285) – Нет, мы не воры; Сен үренчик бала эмезин (ЛК,АК,302) – Ты не ученица (не школьница). Эта фраза сказана молодым человеком девушке, действительно уже окончившей школу, смысл ее – ‘ты уже взрослая’. В этих случаях случае словом ЭМЕС выражается действительное несоответствие между референтами слов бис ‘мы’, сен ‘ты’ и “классификаторами” уурчы ‘воры’ и үренчик бала ‘школьница’;

*тув.*: Чок, бо ыт эвес-тир – Нет, это не собака (о волке).

“Исключение объекта из класса” при помощи данной конструкции может быть правомерным, “объективным” как в приведенных выше случаях: если говорящий не видит у данного существа ПРИЗНАКОВ собаки, он отрицает такое предположение. Но исключение может быть и нарочитым. Сравним с последней фразой такую:

*тув.*: Чок, бо ыдың ыт эвес-тир! – Нет, эта собака=твоя не собака! В отличие от первых примеров, здесь дублируется слово ЫТ

‘собака’. Здесь слово ыд=ын ‘собака=твоя’ “правильно” категоризует референт подлежащего – речь идет о ‘твоей собаке’; сказуемое ыт эвес-тир не отрицает этого очевидного факта, но утверждает, что какие-то признаки ДАННОЙ собаки (плохие или хорошие) с его субъективной точки зрения лишают ее права на это имя или дают право называться иначе.

Приведем другой подобный пример: А кижининг балазы бала эмес, а сений алтын-мөнүн аңгылу-башту – А чужой ребенок (ребенок человека, в частности – “мой”) – не ребенок, а твой – золотой-серебряный, особенный-головастый. Здесь прямого лексического дублирования нет, но местоимение сений включает в себя соответствующую семантику ‘твой-тот же (=ребенок)’. В этом предложении явно выражен протест говорящего против “дискриминации” собеседником не его собственного, чужого ему ребенка.

Во всех предложениях такого рода слово ЭМЕС выражает НЕСООТВЕТСТВИЕ (с чьей-то позиции) между данным объектом, референтом имени, и отрицаемым десигнатом этого имени, т.е. связанным с ним общим представлением. Это несоответствие влечет за собой НЕПРИЗНАНИЕ данного объекта действительным представителем данного класса.

В тех случаях, когда имя референта не дублируется в имени класса, в предложении как бы остается место для другого, точного именования. Бу ыт эмес – Это не собака – а кто? Аналогично: Сен тенек эмез=инг – Ты не дурак. А кто ты, каков ты?

Таким образом, в позиции после предикативного существительного ЭМЕС выполняет, в сущности, ту же самую функцию “отрицания признака”, но его семантика в этом случае усложняется. Отрицаемый признак остается неназванным, но слово эмес указывает на его отсутствие как на достоянное основание, позволяющее исключить данный объект, референт имени (человека, предмет) из названного существительным класса. Этот признак может оставаться неназванным и восстанавливаться только из контекста. Например:

[Бу Москва.] Кой кабырып жүрген чөлинг эмес. Штраф. (АА,ЛТ) – [Это Москва.] Не твоя степь, где ты пасешь овец. Штраф. “Отрицаемый признак”, который присущ степи, но не Москве, – отсутствие строгих правил движения, за нарушение которых в Москве с адресата фразы взимается штраф.



Кроме признаков предметов, с помощью предиката ЭМЕС/ЭВЕС могут отрицаться и обстоятельственные компоненты предложения:

Јууда болгон эмезис (ЛК,АК,302) – Мы же были не на войне.

Предикат ЭМЕС / ЭВЕС легко вступает в устойчивые сочетания разной степени идиоматичности с другими служебными словами и частицами, образуя аналитические конструкции разной семантики.

В сочетании с вопросительной частицей (ба/бе, ма/ме) этот предикат образует конструкцию ЭМЕС БЕ, ЭВЕС БЕ; в речи [Б] после [С] оглушается, конструкция стягивается, что нередко отражается и на письме (ЭВЕСПЕ). Эта конструкция выражает не отрицание и не вопрос, а по-разному (в зависимости от дополнительных средств, в частности частиц) эмфатически окрашенную уверенность в истинности высказывания. Например:

*тув.:* Таанда бо сээң ыдың эвес бе? – Неужели же это не твоя собака? (выражена уверенность говорящего в том, что собака принадлежит адресату речи). Другой семантический вариант: Ол чагаа авамдан эвес ирги бе? – Не от мамы ли это письмо? (благодаря частице ирги выражается догадка, предположение);

*алт.:* Бу каткымчылу эмес пе? – Неужели это не смешно (конечно, смешно!)

\*\*\*

Обратим внимание еще на две фразеосхемы, связанные со словом ЭМЕС. В первой из них эмес занимает позицию между двумя употребленными одним и того же существительного:

Мынын кийинде адыш эмес адыш, кыйгы эмес кыйгы (КТ,КЈ,17) – После этого (пошла) ужасная стрельба, ужасный крик. В переводе слово ‘ужасный’ передает интенсивность стрельбы и крика (функция *tagh* по И.А.Мельчуку и Жолковскому).

В другой фразеосхеме два употребления одного имени следуют друг за другом, а эмес занимает постпозицию. Эта схема выражает неопределенность, неуверенность, сомнение говорящего в правильности выбранного имени: адыш адыш эмес, кыйгы кыйгы эмес – После этого стрельба не стрельба, крик не крик (не то стрельба, не то крик).

\*\*\*

Отрицание ЭМЕС может следовать не только за именами прилагательными и существительными, но и за глагольным сказуемым.

Здесь возможно несколько случаев.

1) Отрицание может просто следовать за положительной формой глагола, например, в алтайском: Јууда болгон эмезис (ЛК,АК,302). Такое отрицание относится не к предикативному признаку (сравним: Јууда бол=бо=гон=ыс ‘Мы не были на войне’), а к локализатору; Мы же были НЕ на войне (ответ девушки демобилизованному фронтовику).

Однако нередко подобной двойственности нет, объектом отрицания посредством эмес является глагол:

*алт.:* Јуу ойинде база албаты ѳскѳн эмес (АА,УБТ,224) – Во время войны тоже ведь народ не растет (не прибавляется); ср. \*Не во время же войны народ прибавляется; Эмди иштеп турган эмез=им, мениле не болотон (КТ,СЭМ,13) – Я ведь теперь не работаю, что со мной может быть. В таких предложениях отрицается именно действие, предикативный признак, выраженный глаголом.

Специфический смысл передаваемой таким образом информации о неистинности суждения, предшествующего слову эмес (по сравнению с использованием простого глагольного отрицания), состоит в том, что эта информация предстает как уже известная адресату: говорящий лишь напоминает о том, что адресат речи должен знать.

Аналогично в тувинском: Авам дүүн ажылдаан эвес – Мама же вчера не работала (ты же знаешь); Аңчылар ам-даа тайгазынче үнген эвес – Охотники же еще не уехали в свою тайгу; Уруглар кичээлинден озалдаан эвес – Девочки же не опоздали на занятия; Мен Кызылче чоруур эвес мен – Я же не поеду (не езжу) в Кызыл; Бөгүн соок хүн, өөренир эвес бис – Сегодня холодный день, мы же не учимся. Как видно из примеров, в этой конструкции именно сказуемое является ремой высказывания. Предикат эмес вносит в предложение довольно яркий экспрессивно-модальный колорит “напоминания об известном”.

2) Предикат ЭМЕС / ЭВЕС сочетается и с отрицательной формой глагола. Удвоение отрицания, “отрицание отрицания”, как всегда, влечет за собой смену отрицательного значения утвердительным, одновременно резко усиливая описанную выше экспрессию напоминания об известном собеседнику факте или обстоятельстве. Например:

*алт.:* Күрүмнин уйалбазын билбес эмез=игер (СС,АКС,73) – Вы ведь знаете бесстыдство этого поганца (конечно, знаете, не мо-

жете не знать); А бистинг жамылулар билбес эмес, билер де... (КТ, СЭМ, 17) – А наши чиновники, конечно же, знают;

*тув.*: Мен кежээже келбээн эвес мен – Я ведь пришла на вечер (ты же знаешь, не можешь думать, будто я не пришла); Ажылче барбаан эвес мен – Я же пошла на работу (ты же знаешь, что это неправда, будто я не пошла на работу); сравн. *русс.*: Я что, не пошла на работу, что ли?;

3) В развернутых предложениях где, кроме подлежащего и сказуемого, есть другие именные компоненты, функция слова ЭМЕС усложняется. Во-первых, он выступает как средство выражения актуального членения предложения, выделяя ремю, во-вторых, он задает схему противопоставления, предусматривая место “утвердительного” компонента, который должен занять место отрицаемого. ЭМЕС здесь – это такое “НЕ”, которое предполагает “А...”. Этот “противочлен” может появиться или не появиться в предложениях, но “за текстом”, имплицитно он, по-видимому, всегда присутствует. Например:

*алт.*: Јууда јүреде, кичи ботаника керегинде сананган эмес (ЛК,АК,302) – Будучи на войне, не о ботанике же я думал (букв.: кичи ‘человек’). Здесь не досказано, о чем думают на войне, но предполагается, что это ясно и так.

Со всей очевидностью “противочлен” эксплицируется в тех случаях, когда сочетание [N ЭМЕС / ЭВЕС] входит в состав дискретных конструкций союзного типа – противительных (*алт.*, *тув.* “...эмес/эвес, а / је...”): *тув.*: Бис өөреникчилерден эвес, а студентлерден айтырган бис – Мы спрашивали не у учеников, а у студентов; и “обобщающих”: *алт.* јангыс ... эмес, је/а ...”, *тув.* “чугле ... эвес, а...” – ‘не только ..., но (и) ...’ – *тув.*: Бис чүгле өөреникчилер=ден эвес, а студентлер=ден айтырган бис – Мы спрашивали не только у учеников, но и у студентов. Перед отрицанием эмес может быть слово любой части речи в любой грамматической форме, но эта форма дублируется после противительного союза.

В этой второй конструкции, в сочетании с частицей чүгле ‘только’ эвес, не меняя ПО СУЩЕСТВУ своей семантики, передает уже не отрицание, а снятие ограничения.

В этих примерах отрицается не истинность самой связи прецизируемого признака (действия, выраженного глаголом) с лицом или предметом, названным подлежащим, а только определенный аспект сообщения: не о ботанике думал = думал, но не о ботанике. Но подобные предложения очень близки к общеотрицательным с

простым глагольным отрицанием, отличаясь от них прежде всего в аспекте экспрессии и модальности. ЭМЕС и в этом случае остается отрицанием признаков, связанных с действиями. В таких предложениях отрицается какая-то качественная характеристика действия, выраженная актантом или сирконстантом, – но не само действие, названное глаголом, за которым следует отрицание. Например, *алт.*: Јангыс Кегейдин де тилинен Јергелей ЈАНЫС КАТАП туйка ыйлабаган ЭМЕС (ЛК,АК,284) – Только от языка Кегей Дьергелей НЕ РАЗ тайком плакала. Линейно частица ЭМЕС следует за глаголом ыйлабаган ‘плакала’; но действие ‘плакала’ ею не отрицается: отрицается именной компонент ЈАНЫС катап – один раз, на который падает логическое ударение, который является или входит в состав ремы высказывания: плакала не один раз = много раз, – она плакала часто.

Сравнивая функции показателей отрицания ЭВЕС / ЭБЕС / ЭМЕС и ЧОК/ЈОК, можно убедиться, что контраст между ними ярче всего обнаруживается в позиции после существительного, где естественно могут появляться оба показателя: *алт.*: – Э-эх, үй улустар эмес болзо, “төгүн эмести” мен сеге көргүс берер эдим (КТ,СЭМ,10) – Э-эх, если бы не женщины, я бы тебе показал эту “не ложь”. Сравним: Үй улустар јок болзо, “төгүн эмести” мен сеге көргүс берер эдим ‘Если бы не было женщин, я бы тебе показал...’. Выбор частицы ЭМЕС показывает, что имеются в виду определенные свойства женщин, исходящие от них требования, ограничения. Во втором случае выбор предиката ЈОК показывает, что речь идет только о присутствии женщин. Төжинде эки медаль эмес болзо, оны улус јаны ла солдатка барып јаткан уул деп бодоор эди (ЛК,АК,300) – Если бы не две медали у него на груди, люди подумали бы про него, что парень только собирается идти в солдаты; здесь медаль – признак, в частности, возраста парня. Сравним: медаль чок болзо ‘если бы медалей не было (в наличии)’

\*\*\*

Я рассмотрела лишь те явления, которые в собранных нами материалах представлены достаточными для анализа сериями примеров. Это лишь небольшая часть массива, который остается пока недоступным для исследования даже в рамках одного языка. Некоторые модели представлены одним-двумя случайными примерами, которые не позволяют даже утверждать, что такая конструкция существует как факт языка. Я не говорю уже о сопоставлении фактов

и закономерностей на базе четырех языков южносибирского ареала, на протяжении веков развивавшихся в условиях тесного взаимодействия, испытывавших, в общем, однотипные влияния со стороны определенных материальных и духовных культур. Конечно, в перспективе мне видится коллективное сопоставительно-типологическое исследование отрицания во всех языках "циркумбайкальского ареала". Может быть, и этот фрагмент исследования ляжет кирпичиком в основание такой работы.

Главный вывод, к которому приводит анализ собранных нами материалов по отрицанию в южносибирских тюркских языках, можно свести к следующему.

1) Отрицание в каждом языке представлено множеством форм, каждая из которых имеет свою семантическую специфику. Рассматривая отрицание как факт синтаксиса, под формами мы понимаем не аффиксы и не лексемы, предикаты отрицания, но формируемые ими характерные синтаксические конструкции. Все эти формы составляют единую систему, которая в свою очередь состоит из подсистем и микросистем. Все эти формы суть двусторонние языковые знаки, в которых специфике выражения отвечает специфика содержания. Раскрывать ее – задача эмпирического исследования.

2) Границы между глагольными и именными формами отрицания в изучаемых тюркских языках, с одной стороны, очевидны: =БА= со своими производными противостоит ЖОК и ЭМЕС со всеми их вариантами, синонимами и производными. С другой стороны, диапазон "неглагольных" форм отрицания настолько широк, что они относительно свободно проникают в глагольно-предикатную подсистему, надстраиваясь над "=БА-формами" и противопоставляясь им как несущие мощную экспрессивную и модальную нагрузку.

3) Смысловая нагрузка, которая ложится на транспонированные формы отрицания, в частности, на конструкции с предикатами ЭМЕС и ЖОК в постглагольной позиции, заслуживает специального целенаправленного изучения.

4) Отрицание есть грамматическая категория предложения, близкая к модальности, смежная с нею, но все-таки самостоятельная. Ее семантику определяет неоправдавшийся прогноз, не оправдывающееся ожидание говорящего или другого лица. Можно построить обобщающую категорию, в структуре которой отрицание будет противопоставлено модальности по некоторому основанию, суть которого еще подлежит выяснению.

## Сокращенные названия источников примеров

### Алтайский:

- АА УБТ – А.Адаров, Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980;  
 БУ СО – Б.Укачин, Сүүш ле оштöжү. Горно-Алтайск, 1981;  
 БУ Т – Б.Укачин, Туулар туулар ла бойы артар. Г.-Алт., 1985;  
 ЖА АЖО – Ж.Каинчин, Айлыбас жангыс öзöктö. Г.-Алт., 1984;  
 КТ КЖ – К.Төлөсөв, Кадын жаскыда. Г.-Алт., 1985;  
 КТ СЭМ – К.Төлөсөв, Сандраш эдим мен Г.-Алт., 1989;  
 ЛУ АК – Л.Кокышев, Алтайдын кыстары, Г.-Алт., 1985  
 СС АКС – С.Суразаков, Алтай керкгинде сөс, Г.-Алт., 1985

### Тувинский:

- СС АТ – С.Сарыг-оол, Ангыр-оолдун тоожузу, Кызыл, 1978

### Хакасский:

- АТ – Ах тасхыл. Абакан, 1981  
 ФБ ТО – Ф.Бурнаков, Тигир оды. Абакан, 1977

Примеры, приведенные без указания источника, получены нами от носителей языка – студентов и аспирантов Новосибирского университета.

## Литература

1. Бахарев А.И. Устойчивые синтаксические конструкции с отрицанием // РЯНШ, 1981, №5, с. 13-16.
2. Бахарев А.И. Отрицание в логике и грамматике. Саратов: Саратов. ГУ, 1980, с. 70-73.
3. Бахарев А.И. Отрицательные односоставные предложения в современном русском языке. РЯШ, 1981, №5, с. 70-73.
4. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. – М.: Наука, 1983.
5. Габучян К.В. Отвлеченный грамматический образец и возможности его лексического наполнения (на материтале отрицательных схем) // НДВШ, ФН, №1, с. 79-89.
6. Кржижкова Е.К. Заметки о негации в языковой структуре // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1968.
7. Падучева Е.В. Семантический анализ отрицательных предложений // Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 12, 1969.
8. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984.

9. **Рахимов С.** О месте единиц категории отрицания в системе языка. На материале некоторых индоевропейских и тюркских языков. Автореферат ... канд. филол. наук, 1956.

10. **Сат Ш.Ч.** Тувинский язык (Краткий очерк) // Тувинско-русский словарь, М., 1955, с. 613-721.

11. **Серээдар Н.Ч.** Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке. Дисс. ... канд. филол. наук, Новосибирск, 1995.

12. **Телякова В.М.** Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским). Дисс. ... канд. филол. наук, Новосибирск, 1994.

13. **Толстой И.В.** Грамматическое отрицание и его функционирование в простом повествовательном предложении. Автореферат ... канд. филол. наук, 1972.

14. **Убратова Е.И.** Исследования по синтаксису якутского языка, ч.2, Новосибирск: Наука, 1976.

15. **Шамина Л.А.** Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск, 1987.

16. **Шендельс Е.И.** Отрицание как лингвистическое понятие. Ученые записки МГПИИЯ, т.19, 1959.

17. **Шмелев Д.Н.** Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в русском языке // ВЯ, 1958, №6.